

УДК 93/94

**ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ,
СДЕЛАННОЕ РУССКИМИ МОРСКИМИ ОФИЦЕРАМИ
ВО ВРЕМЯ БОСФОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1833 Г.
(К 190-летию экспедиции)**

© 2023 Е.П. Кудрявцева

Институт Российской истории РАН

Статья поступила в редакцию 10.05.2023

Босфорская экспедиция русского флота 1833 г. явилась уникальным явлением в истории русско-турецких отношений на всем протяжении их существования. Никогда ранее военный флот России не входил в Черноморские проливы по приглашению османских властей, а ее войска не располагались на берегах Босфора. Однако при описании действий российской эскадры до сих пор остаются обойденными вниманием те «внутренние» экспедиции по Проливам, которые были совершены офицерами русского флота во время его пребывания вблизи Константинополя. «Малые» экспедиции А.О. Дюгамеля по Дарданеллам и А.И. Менда по Босфору были призваны составить топографическое описание местности, прилегающей к Проливам, измерить их глубину и течения, оценить турецкое вооружение в крепостях – как в самих Проливах, так и в устье Дарданелл. Все эти документы, полученные инженерами-топографами и морскими офицерами в виде карт и подробных описаний, поступили в Главный штаб, были засекречены и явились ценнейшими сведениями о состоянии турецкого вооружения и особенностях природного ландшафта одного из важнейших политико-стратегических регионов, привлекавшего пристальное внимание европейских держав.

Ключевые слова: русский флот, экспедиция, Турция, вооружение, Проливы, 1833 год.

DOI: 10.37313/2658-4816-2023-5-2-127-137

EDN: NGLNPX

Босфорская экспедиция русского флота 1833 г. стала результатом уникального стечения политических обстоятельств, позволивших «вековой сопернице» Турции, каковой являлась Россия, взять на себя ответственность за дальнейшее существование Османской империи. Российская эскадра находилась в Босфоре в течение четырех месяцев, чего невозможно было вообразить ни до, ни после упомянутой экспедиции. Черноморские проливы даже после того, как Россия приобрела Крым в 1783 г.

Кудрявцева Елена Петровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научного центра «Россия в международных отношениях».
E-mail: demetr22@mail.ru

и побережье Кавказа в 1829 г., став Черноморской державой, были закрыты для прохода иностранных судов. Исключению подлежали лишь коммерческие суда, которые по Адрианопольскому договору могли проходить через Босфор и Дарданеллы.

Политический кризис, разразившийся в Османской империи в связи с возрастанием сепаратистского движения египетского правителя Мухаммеда Али и ростом военного противодействия турецкой власти, заставил султана Махмуда II обратиться за помощью к иностранным державам. Она была оказана Россией, власти которой усмотрели в выступлении египетского паши революционное движение сродни европей-

ским революциям 30-х гг. Кроме того, Николай I опасался, что помощь Турции может быть оказана Францией, клиентом которой являлся Египет, что неминуемо привело бы к укреплению позиций Франции не только в этой турецкой провинции, но и в Османской империи в целом. Все это заставило российские власти оперативно откликнуться на призыв Порты.

С февраля по апрель 1833 г. в Босфор вошли 3 российские эскадры, вторая из них несла десантный отряд в 10 тыс. человек. Всего в Босфор вошли 18 морских вымпелов российского флота. Командовал эскадрой адмирал М.П. Лазарев, десантный отряд подчинялся генералу Н.Н. Муравьеву. Русские моряки встретили радушный прием турецких властей, султан лично осматривал российские суда и военный лагерь, который на несколько месяцев стал центром притяжения для турецкого общества, собиравшегося послушать русские народные песни. О пребывании российского флота на Босфоре оставил подробные воспоминания участник этих событий Н.Н. Муравьев¹. Однако в них неоправданно малое место уделено описанию другой экспедиции, проведенной в рамках присутствия русских на Босфоре, – экспедиции А.О. Дюгамеля в Дарданеллы. Сам Дюгамель также оставил воспоминания, которые были переведены с французского языка и опубликованы в семи книжках «Русского архива» в 1885 г.² Однако то ли в силу своего военного прошлого, то ли по причине секретности всех материалов, сопровождавших экспедицию, автор не сообщает подробностей порученной ему миссии.

Более подробно об экспедиции Дюгамеля пишет Д. Афанасьев в своем труде «К истории Черноморского флота»³. Автор публикует переписку военного министра с Муравьевым, в которой говорилось о целях и задачах будущей экспедиции в Дарданеллы. Однако в приведенной переписке не упоминается об аналогичных действиях русских морских офицеров в Босфорском проливе, которые производились в это же время. Наиболее полный комплекс доку-

ментов, позволяющих составить картину всех предприятий военных инженеров-топографов в Черноморских проливах, а также разведывательной деятельности в армии египтян, хранится в Российском Государственном военно-историческом архиве⁴. Здесь находится секретная переписка военного министерства с Муравьевым и Лазаревым, инструкции русским морским офицерам, направлявшимся в Босфор и Дарданеллы, а также их подробные отчеты о предпринятых изысканиях, встречах с турецкими властями и испытаниях вооружения дарданелльских крепостей. Все эти документы существенно дополняют уже сложившуюся к сегодняшнему дню картину Босфорской экспедиции русского флота и свидетельствуют о серьезной подготовке русской армии к возможному военному столкновению с армией Ибрагим-паши на подступах к турецкой столице. Кроме того, все планы и описания местности Черноморских проливов стали ценным материалом для Генерального штаба русской армии, всегда придававшего огромное значение данному региону ввиду возможного военного конфликта.

Еще осенью 1832 г. в Петербурге было принято решение о посылке в Турцию и Египет генерала Н.Н. Муравьева для переговоров с Мухаммедом-Али и султаном Махмудом II. Муравьев пользовался уважением среди военного сообщества и, кроме того, знал турецкий и арабский языки. В то же самое время полковник Генерального штаба А.О. Дюгамель, поступавший в распоряжение Муравьева, получил отдельное предписание военного министра отправиться в Турцию и Египет. При этом в пути от Одессы до Константинополя полковник должен был осмотреть турецкие укрепления, а по прибытии в турецкую столицу собрать сведения о состоянии вооруженных сил Турции – как сухопутных, так и морских⁵. Затем ему следовало отправиться в Египет через Сирию, обратив внимание на наличие османских войск на ее границе. По прибытии в Египет Дюгамелю предписывалось собрать сведе-

ния о морских и сухопутных силах египтян и их способах ведения войны. Интересно, что полковник должен был кроме всего прочего обратить внимание на царящие в обществе настроения, оценив отношение турецкого населения «к законному своему правительству и к паше египетскому»⁶.

Одновременно в секретном письме военный министр А.И. Чернышев оповещал Муравьева об отдельной миссии Дюгамеля и предписывал оказывать содействие полковнику в его отправке через Сирию в Египет⁷. Уже с пути в Константинополь Дюгамель писал Муравьеву о том, что положение Порты сложное, правительство находится «в упадке», а народ безразличен к результату войны, что намного опаснее, чем военные успехи египтян⁸. В середине декабря 1832 г. полковник прибыл в Буюк-Дере и остановился в посольском доме у русского посланника А.П. Бутенева.

Это было не первое посещение посольского дворца Дюгамелем – в 1826-1827 гг. он уже служил здесь вторым секретарем при военном отделении посольства под управлением Берга. Военное отделение было создано в связи с угрозой русско-турецкой войны после Аккерманской конвенции, выполнение условий которой считалось делом ненадежным. Само учреждение военного отделения было нововведением, которое очень не нравилось посланнику А.И. Рибопьеру, не хотевшему делить власть во вверенном ему посольстве с Бергом. Сотрудники отделения – капитан Тучков, подпоручик Веригин, барон Ливен и сам Дюгамель – получили дипломатические чины и имели поручение разведать окрестности Константинополя и дорогу через Балканы. Дюгамель дважды проехал из Ясс до Константинополя разными путями для составления дорожной карты⁹.

В своем следующем донесении Дюгамель продолжил анализ обстановки: положение Турции критическое, из верных источников известно, что армия Ибрагим-паши, взяв Конию, движется к Босфору и ничто не может ей помешать. Турецкая

армия, столкнувшись с сопротивлением, не останется верной султану, а появление Ибрагим-паши в Константинополе произведет «революцию»¹⁰. Среди турецких санджыкчи – продолжает Дюгамель – есть идея сделать Ибрагим-пашу Великим Визирем, и это единственное средство, которое остается султану для того, чтобы закончить войну и спасти Империю¹¹. Интересно, что слухи, подобные этим, достигли России. Так, из Киева в январе 1833 г. сообщалось: «Вчерашнего дня здесь распространились слухи, что Ибрагим-паша занял уже Константинополь». Правда, указывалось, что эти сообщения пришли «через партикулярные руки от поляков, увеличивающих все вещи по собственным своим видам»¹².

Угроза «революции», безусловно, произвела свой эффект в Петербурге. После европейских революций 30-х гг. восстание Мухаммеда Али пополнило ряд «возмутительных» выступлений и не могло остаться без ответной реакции петербургского двора. Николай I, полагавший, что его роль – стоять на страже порядка в Европе, воспринял призыв султана в качестве руководства к действию. К тому же эти сведения дополнил и выехавший в Константинополь Муравьев. Он докладывал военному министру о том, что турецкая империя стоит «на краю гибели», а солдаты султана в битве при Конии переходили к Ибрагим-паше «тысячами»¹³.

В обстановке крайней тревоги Муравьев выехал для встречи с Мухаммедом Али в Александрию, а Дюгамель отправился в расположение армии Ибрагим-паши для сбора сведений о состоянии египетских сил. По донесениям Дюгамеля, египтяне располагали хорошо обученной пехотой и кавалерией в 1500 всадников. Тем не менее армия пополнялась с трудом, поскольку египтяне питали отвращение к военной службе, а рекрутов привозили в Каир как преступников – в цепях и с железными кольцами на шее. Египетские феллахи не хотели служить в армии Ибрагим-паши, и матери нередко увечили сыновей, чтобы они могли избе-

жать трудной военной службы, но, попав в армию, становились дисциплинированными воинами. Армия, пишет Дюгамель, размещена в Сирии и на о. Кандия. Мухаммед Али учредил артиллерийское училище на берегах Нила по европейскому образцу, которым управлял испанец Секвер. В училище состояло 300 воспитанников и еще 300 – в кавалерийской школе в Джизехе¹⁴. Прогнозы полковника были неутешительны для турецкой армии – египетские солдаты крепки, храбры, неутомимы, весьма искусны в верховой езде. После этой командировки и продолжительного пребывания на о. Родос по случаю затяжной болезни Дюгамель вернулся в Буюк-Дере.

В Константинополе его ожидало новое поручение. По случаю дальнейшего продвижения египетской армии к Босфору российское командование отдало приказ быть готовыми двигаться к Проливам «сухим путем» с территории Дунайских Княжеств. Армия генерала П.Д. Киселева, командующего русскими войсками на территории Княжеств, ждала окончательного приказа выступить на помощь султану. По этому случаю Киселев запросил точные карты местности для броска к Константинополю и даже прислал в распоряжение Муравьева инженера Ходзько, который обладал выдающимися математическими способностями и мог составить тригонометрическую сеть местности¹⁵.

Киселев считал, что следует воспользоваться пребыванием русского отряда на Босфоре для уточнения составленных ранее карт Румелии. Однако, полагал Киселев, ограниченность в числе офицеров, прибывших на Босфор, может этому помешать, в таком случае он запрашивал уже имевшиеся карты местности, «которые весьма необходимы для нас быть могут»¹⁶. В ответ на эту просьбу генерал-квартирмейстер Генерального штаба А.И. Нейдгарт, возглавлявший Корпус военных топографов, выслал под команду Муравьева топографический отряд¹⁷. «Считаю весьма полезным произвести съемку на всем вообще пространстве

Европейской Турции», - писал Нейдгарт. Он направил в Босфор отряд из 6 штабс- и обер-офицеров Генерального штаба и пяти топографов с офицером¹⁸. Муравьев, со своей стороны, выступил с предложением отправить в Дарданеллы отряд топографов, но окончательное решение, по усмотрению Николая I, было возложено на А.Ф. Орлова, прибывшего на Босфор в качестве руководителя всей экспедиции.

Прежде всего российские власти опасались форсирования Дарданелл со стороны египетского флота. Поэтому, по мысли Муравьева, следовало обследовать состояние турецких крепостей в устье пролива. 1 апреля 1833 г. в своем секретном донесении Муравьев докладывал военному министру, что отряд офицеров под руководством полковника Дюгамеля на фрегате «Эривань» отправился в Дарданеллы. Перед этим было получено согласие сераскира Порты, российского посланника Бутенева и контр-адмирала Лазарева¹⁹. Комендант Дарданелл Салех-паша получил указание султана способствовать деятельности русских офицеров в проливе и в крепостях.

Перед отплытием фрегата Дюгамелю были направлены подробнейшие инструкции, в которых ставились задачи всей экспедиции и расписывались обязанности членов экипажа. С полковником следовали инженер-подполковник К.И. Бюрно, штабс-капитан Гейнрихс, переводчик поручик Дайнези, морские офицеры Е.В. Путятин и В.А. Корнилов, а также турецкий чиновник²⁰. Бюрно и Гейнрихс должны были снимать планы местности, а Корнилов и Путятин – измерять глубины Дарданелл.

Инструкции Муравьева содержали несколько пунктов, но прежде всего все члены экспедиции должны были отклонять всякую мысль турок о желании занятия Дарданелл русскими! Перед инженерами-топографами ставилась задача снять планы обоих берегов пролива «глазомерно», уделяя преимущественное внимание азиатскому берегу. Затем следовало собрать сведения о строительстве укреплений, проинспек-

тировать состояние береговой артиллерии, защищающей пролив, и при необходимости исправить ее. Начальник экспедиции имел право оставаться в Проливе при получении известия о приближении египетского флота и возможности противодействовать ему имевшимся турецкими силами²¹. Муравьев подтверждает это в своих воспоминаниях: «В случае покушения неприятеля из Архипелага на Дарданеллы, нашему флоту должно было вместе с турецким защищать устье Геллеспонта»²². Для контроля над ситуацией признать полезным послать «расторопных» людей из бедного звания «лазутчиками» в Смирну и Бруссу «для собраний сведений о движении неприятеля». Поручик Дайнези был уполномочен докладывать о сложившейся обстановке независимо от сообщений вице-консула России в Дарданеллах Тимони. На всю экспедицию выделялось 50 голландских червонцев, 300 испанских талеров и 4 тыс. турецких пиастров²³.

Кроме общей инструкции членам экипажа были направлены несколько специальных указаний. Так, инженер-подполковник Бюрно получил отдельные предписания, согласно которым он должен был сосредоточиться на съемке укреплений пролива и составлении их подробных планов, а Дюгамелью в секретной инструкции предписывалось собрать сведения о действиях французского и английского флотов в Средиземном море, в Архипелаге и у берегов Александрии²⁴. Отплыв в Дарданеллы, Дюгамель избрал своей базой крепость Чанах-Кале, где жил комендант пролива Салех-паша и откуда было удобно совершать объезд всех остальных укреплений. Салех-паша получил указания османских властей оказывать всяческое содействие русским офицерам и допускать их к инспекции крепостей.

В своем первом же рапорте на имя Муравьева Дюгамель докладывал о том, что он остался доволен осмотром Дарданелльских укреплений, находившихся в большом порядке. Все батареи хорошо вооружены, из каждого орудия можно сделать по 50 вы-

стрелов. Огромные пушки, которые, к удивлению полковника, не имели лафетов, и которыми славятся Дарданелльские замки, имели до 2-х футов в диаметре. Эти батареи, пишет Дюгамель, «должны почитаться ключом всего пролива»²⁵. Конечно, его интересовала степень защиты пролива, поэтому он воспользовался разрешением турецких властей сделать несколько выстрелов из знаменитых пушек. После того как ядра перелетели на европейский берег, Дюгамель делает вывод о том, что «неприятельский флот без помощи десантных войск не может пройти через пролив, не подвергаясь великой опасности»²⁶. Ширина Дарданелл в самом узком месте между замками составила, по результатам измерений, 695 сажень (1 сажень == 2.133 м.), т.е. 1482 м.

В то же время Дюгамель подвергает критике устройство обороны пролива. «Могущество паши египетского сделалось столь грозным для Порты Оттоманской, владение проливом Дарданелльским столь необходимо для Турецкой империи, что, по моему мнению, турецкое правительство должно взять все меры для усиления обороны Чаках-Кале, тем более что местоположение тому способствует», - докладывает Дюгамель. Хотя в крепостях находится 600 орудий, но при них только 1500 артиллеристов, и те на европейском берегу, а на азиатском находятся полки численностью 2800 человек, что Дюгамель считает недостаточным. Салех-паша – «человек старый и слабый, мало свойственный в нынешних критических обстоятельствах начальствовать в столь важном месте». К тому же Дюгамель считает, что между двумя замками на разных берегах Дарданелл следует установить связь, подобную связи между морскими судами. В ином случае коменданты замков не могут согласовать своих действий во время грозящей опасности. Оборона пролива должна быть возложена на двух отдельных начальников – как при входе в Дарданеллы, так и в Чанах-Кале²⁷. На всем протяжении путешествия между русским полковником и комендантом пролива сложились хорошие отношения. Са-

лех-паша передал русскому уполномоченному 3 плана укреплений азиатского берега в дополнение к сделанным съемкам местности флотских топографов. В конце апреля Дюгамель побывал в гостях у Салех-паши и поздравил его с Курбан Байрамом.

Вся местность около батарей была «снята на карту» на расстоянии 2-х верст от них, также как и около замка Келид-багар на европейском берегу. Отправляясь дальше, к устью пролива, военные топографы во главе с инженером штабс-капитаном Гендрихсом получили задание на съемку местности в глубину до 10 верст от Чанах-Кале для составления плана дорог. Морские офицеры должны были следовать вдоль берега для определения всех изгибов пролива. Сам Дюгамель также выехал в крепость Кум-кале, находившуюся при выходе из Дарданелл в Архипелаг²⁸.

Вокруг устья Дарданелл местность была болотистой, замок Кум-кале, защищавший вход в пролив, находился на азиатском берегу. В распоряжении 100 артиллеристов находилось 46 орудий без лафетов, число снарядов доходило до 700 чугунных ядер и 1200 каменных. Дюгамель не упустил возможности выстрелить двумя каменными и двумя чугунными ядрами, едва долетевшими до середины пролива, который здесь достигал 1768 сажень, или 3771 м²⁹. «Принимая во внимание большую ширину пролива, - пишет полковник, - я не полагаю, чтобы замки на обоих берегах могли бы возбранить неприятельской эскадре вход в Дарданеллы». Поэтому, заключает Дюгамель, при внезапном входе флота вражеских держав в пролив настоящая оборона может состояться только в самом узком месте у Чанах-Кале.

Все турецкие укрепления были вычерчены инженером Бюрно в планах и разрезах и отправлены вице-консулу Тимони запечатанными. В начале мая флотские офицеры Путятин и Корнилов вернулись берегом в Константинополь, чтобы заняться чертежами карт местности и крепостей³⁰. Получая предписание приступить к подробному осмотру проливов, офицеры должны были

«по возможности исправить бывшую досель карту Дарданелл». Можно предположить, что прежние карты были сделаны в 1799 г., когда в Буюк-Дере стоял лагерем Санкт-Петербургский гренадерский полк генерала А.Н. Бахметьева, который был в числе десантных войск на судах адмирала Ф.Ф. Ушакова, возвращавшихся из Средиземноморской экспедиции³¹.

Во время пребывания российского фрегата в устье Дарданелл произошло знаменательное событие. Западные державы, с большим вниманием следившие за пребыванием русского флота и десанта в Босфоре, подтягивали в Архипелаг свои эскадры. Французская эскадра, состоявшая из 4-х линейных кораблей, двух фрегатов, корвета и двух бригов, подошла к Смирне. Из Англии также отправилась эскадра из 8-ми линейных кораблей, хотя ходили слухи о 24-х военных судах, ожидавшихся в Смирне английским послом Понсонби. Все эти морские силы готовы были противостоять «захватам» России. Особенно нервно вели себя французы. «Journal des Débats» печатал в это время об успехах русского флота: «Вот, наконец, осуществление мечтаний честолюбивой Екатерины!»³². 3 мая французская шхуна «Мессандж» с почтой для французского посла пыталась войти в Дарданеллы, но турки сделали по ней 3 выстрела ядрами из крепостных орудий. Тогда к берегу было выслано французами гребное судно, экипажу которого простодушный Салех-паша объявил, что «Дарданеллы заняты русскими»³³. Прибывший в Константинополь специальный уполномоченный императора граф А.Ф. Орлов заявил реис-эфенди, что если французы войдут в Дарданеллы, то русский десант займет Дарданелльские замки и на территории Турции начнется русско-французская война³⁴. Орлов имел право действовать в Проливах по своему усмотрению, не дожидаясь инструкций из Петербурга. «В случае покушения неприятеля из Архипелага на Дарданеллы нашему флоту должно было вместе с турецким защищать устье Геллеспонта», - вспоминает Му-

равьев³⁵. Одновременно военный министр предписал генералу П.Д. Киселеву следовать из Дунайских Княжеств к Дарданеллам, занять укрепления на европейском и азиатском берегах, учредив «твердое охранение сего пролива»³⁶. В сложившейся ситуации турки должны были оправдываться тем, что отнюдь не приглашали французов. В результате инцидента депеши с «Мессанджа» были посланы в Константинополь берегом, а французский посол Руссен стал оказывать знаки повышенного внимания российскому посланнику Бутеневу³⁷.

В конце мая 1833 г. Дюгамель докладывал своему начальнику по Генеральному штабу генерал-квартирмейстеру А.И. Нейдгарту о том, что его экспедиция, которая длилась 6 недель, завершена. «Ни один европеец никогда не видел Пролива и всех его укреплений», - пишет Дюгамель³⁸. «Хорошим успехом я обязан усердию состоящих при мне офицеров», - докладывает он в рапорте Муравьеву³⁹. Однако ни Муравьев, ни Орлов не смогли вполне оценить труд членов экспедиции: они считали, что морские офицеры не были подготовлены к подобной работе и пользовались плохими инструментами при съемке местности. Это объясняет тот факт, что в подробных воспоминаниях Муравьева о пребывании русской эскадры в Босфоре содержится так мало сведений об экспедиции Дюгамеля в Дарданеллы. Такое же небольшое внимание уделяет автор и другому сюжету, не получившему отражения в научной литературе - топографическому описанию Босфора, производившемуся одновременно с миссией Дюгамеля.

В конце мая Орлов сообщал Нейдгарту об окончании экспедиции в Дарданеллах, а также и о производимых работах русских топографов на берегах Босфора, недалеко от лагеря десантных войск. Также как и в Дарданеллах, русские офицеры получили свободный доступ ко всем укреплениям пролива⁴⁰. Руководил топографическими работами подполковник Генерального штаба обер-квартирмейстер А.И. Менд. До того, как была начата съемка Босфора, Менду

поручалось вести разведывательную деятельность в египетской армии. Он нанимал лазутчиков для выведывания состояния египетских войск и сообщал о полученных результатах в секретных донесениях военному министру. Одним из таких документов, посланных в Петербург, была «Записка о состоянии египетской армии»⁴¹. К ним прилагались описание разных маршрутов по Анатолии: из Скутари в Бруссу и из Кютахии в Скутари по берегу Черного моря. В рапорте капитана Генерального штаба барона Ливена говорилось о 20-ти маршрутах по Малой Азии, совершенных во время Босфорской экспедиции⁴².

Топографическое описание Босфорского пролива продолжалось два месяца. В отряде Менда работали подполковник Давыдов, капитан Вронченко, штабс-капитаны Ходзько и Болдырев, корпуса полевых инженеров капитан Типольт, прапорщики Попов и Труссоны, 6-го саперного батальона штабс-капитан Шлитер и 4 топографа⁴³. Результатом работы этого отряда стал документ под названием «Обзор берегов Босфора Фракийского». В нем подробно описана местность по обоим берегам Босфора: дороги, реки, горные массивы. Порой это описание носит литературный и даже поэтический характер. «Гора Великанов, взяв направление на запад, возвышается на другом берегу Босфора горою Буюкдерскою, разделенною с горою Великанов водами Босфора», - говорится в первой части «Обзора...»⁴⁴. Однако последующий текст ясно свидетельствует о практическом назначении данного исследования. «На северных высотах сей долины, составляющей скат горы Великанов, можно удобно расположить лагерем до 15 тыс. человек войска, воды изобильно, воздух здоровый», - говорится далее. Как известно, именно в этой долине располагались лагерем российские десантные войска. Такое же практическое значение получили описания дорожной сети. От Буюк-Дере до Перы «дорога весьма хорошая, широкая, ровная и удобная даже без всякой поправки», а «другая дорога берегом населенного пролива...

проходит узкими темными улицами и для прохода артиллерии неудобна»⁴⁵.

Также подробно описано состояние дорог на азиатском берегу Босфора, пространство которого было признано проходным «только для пехоты и кавалерии, но при исправлении может также соделаться удобным для артиллерии». Все эти пояснения ясно указывают на подготовку к проходу русской армии – в данный момент готовящейся прийти на помощь турецкому султану против египетского паши. Но самым главным результатом всех предпринятых описаний следует считать возможность получить подробные топографические планы двух Черноморских проливов, надобность в которых была весьма велика в любой период русско-турецких отношений.

Отдельно указывались места, удобные для высадки войск. «Берега Черного моря около Босфора вообще неудобны для высадки войск и вовсе не представляют мест, к коим флот бы мог пристать безопасно». Флот не может встать на якорь в этих местах на продолжительное время, говорится в документе, а только лишь «для овладения укреплениями Босфора небольшим числом войск, дабы вслед за высадкою флот мог безвредно войти в пролив и угрожать Царьграду»⁴⁶. Таким образом, в данном описании делается уже прямое указание на цель предпринятого исследования Босфорских берегов.

С такими же подробностями были описаны Принцевы острова в Мраморном море. На островах Проти, Антигона, Халки и Принкипо описаны деревни и многочисленные православные монастыри. Одновременно говорится, что у о. Антигона находится «хорошее якорное место», а площадка на о. Принкипо «удобная для сооружения батареи», к тому же там имеется якорное место от 12 до 20 сажень глубиной⁴⁷. 300 домов и 3 монастыря на этом же острове могут «служить госпиталями или магазейнами, но для малого числа войск».

К концу июня Менд докладывал о том, что работа по составлению карт Босфора

«с берегами европейскими и турецкими» закончена. Офицеры получили доступ ко всем укрепленным замкам Босфора, имели возможность описать в подробности все батареи, число орудий, направление их действия, техническое состояние и то, скольким выстрелам могут подвергнуться корабли при проходе через пролив. «Во всех сих работах видны старание, труд и сметливость», – писал о завершённой работе офицеров Нейдгарт. Всего было подготовлено 14 планов замков, укреплений и батарей Дарданелл и 18 планов укреплений Босфора. Кроме того, была представлена топографическая карта окрестностей Константинополя и тригонометрическая сеть пространства пролива. Все описания дорог в Малой Азии и планы укреплений и профилей замков двух проливов поступили в секретный архив Главного штаба⁴⁸.

Сразу по завершении работы топографов стали поступать замечания о правильности проведенных измерений. Еще находясь в Буюк-Дере, в конце июня 1833 г. Дюгамель в рапорте от 24 июня 1833 г. писал, что для составления планов и карт экспедиция не была снабжена нужными инструментами. Часть береговой линии до выхода из Дарданелл была определена «глазомерно», без помощи каких-либо инструментов. Все тригонометрические измерения Босфора были произведены штабс-капитаном Ходзько. Для определения «фигуры» Босфора и положения некоторых гор на Азиатском берегу применялся «деревянный базис» и цепь определенной длины. Лейтенанты Путятин и Корнилов также должны были объясняться, почему их измерения не совпадали с измерениями группы Менда. В своем рапорте на имя начальника Черноморского флота и портов И.С. Дмитриева они докладывали, что пользовались для съемки крепостей и укреплений замков Босфора секстантом Трoutона, горизонтом, компасом и цепью в 20 сажень⁴⁹. Как бы ни были несовершенны подобные измерения, они, безусловно, отвечали интересам российских военных и давали представления о важнейших укре-

пленениях проливов и их конфигурации. Не даром Бюрно сразу же после завершения Босфорской экспедиции был командирован в Севастополь для «обзора укреплений и их усовершенствования», что, вероятно, стало продолжением его миссии на Босфоре⁵⁰.

По окончании экспедиции карты были представлены императору Николаю I, который рассматривал их «с особенным удовольствием», а обзорение системы укреплений Босфора с картой император «изволил оставить у себя для прочтения». В результате просмотра Николай I повелел литографировать карту в 400 экземплярах и хранить в секретном архиве Военно-топографического депо «на случай востребования», а также передать инженерному департаменту планы укреплений Босфора⁵¹. 17 ноября 1833 г. все карты укреплений Босфора поступили в Главный штаб, откуда генерал-квартирмейстер Нейдгарт отправил их к генерал-адъютанту Адлербергу, заведывавшему Главным морским штабом. Кроме того, директор инженерного департамента генерал-лейтенант Клименко докладывал военному министру о том, что в департаменте приступили к моделированию Дарданелльского пролива, и жаловался, что в модельных залах Инженерного замка не хватает места для изготовления данной модели⁵².

Кроме того, что сама Босфорская экспедиция стала уникальным военно-морским предприятием русского флота, проведенные внутри нее топографические изыскания не имеют аналогов в истории русско-турецких отношений. Возможность изучить местность, течения двух проливов и находящиеся в них крепости и замки с вооружением явилась результатом дружеских и доверительных отношений между Россией и Османской империей на фоне разразившегося внутривосточного кризиса в Турции. Для российского правительства представился уникальный случай получить карты Черноморских проливов, имевших огромное военно-стратегическое значение для русского флота.

В продолжении всей Босфорской экспедиции в целом - и «малых» специальных

экспедициях Дюгамеля в Дарданеллах и Менда в Босфоре в них приняли участие выдающиеся русские флотоводцы, дипломаты и военные. Многие из них составили славу русского оружия: В.А. Корнилов прославился во время осады Севастополя в Крымскую войну, Е.В. Путятин принял участие в кругосветном путешествии и экспедиции в Антарктиду, предпринятыми Лазаревым. В дальнейшем он стал не только выдающимся путешественником, но и дипломатом, предпринявшим экспедицию на фрегате «Паллада» и заключившим Симодский трактат с Японией. Дюгамель в 1834 г. был назначен генеральным консулом в Египте, а в 1841 г. – посланником в Персии, позже получив пост генерал-губернатора Западной Сибири. Его не раз принимал у себя Николай I, повторяя, что очень ценит его знание Востока и дипломатический талант. Выдающимся русским дипломатом был и А.П. Бутенев, без которого, вероятно, Босфорская экспедиция просто не состоялась бы. Н.Н. Муравьев – известный путешественник и военный, за взятие Карса в Крымскую войну получивший имя Карского - проявил талант в подготовке экспедиции и ее руководстве на протяжении всего времени нахождения флота и десанта в Босфоре. Его дипломатический талант позволил урегулировать турецко-египетский конфликт без привлечения к нему европейских сил. Особым доверием императора пользовался граф А.Ф. Орлов, прибывший в Константинополь в мае и сосредоточивший в своих руках все руководство. К помощи Орлова, являвшегося личным другом Николая I, император прибегал в самых трудных и ответственных случаях, когда требовались не только дипломатические способности, но и личное обаяние. К нему с уважением относились султан и турецкие власти, которым Орлов был хорошо знаком еще по заключению Адрианопольского мира. Контр-адмирал М.П. Лазарев, под руководством которого находился флот во время экспедиции, прославился еще во время Наварина как командир флагманского корабля «Азов». До

этого он совершил кругосветное путешествие и путешествие к берегам Антарктиды, позже долгое время являлся командующим Черноморским флотом и портами. Именно Лазарев добился у турецкого правительства разрешения ежегодно посылать из Севастополя в Средиземное море 4 военных судна в распоряжение российских посольств в Греции и Османской империи. Под руководством А.И. Менда в середине XIX в. были составлены атласы и планы России, проведена крупномасштабная картографическая съемка большой территории ее средней полосы, ставшая заметным достижением всей картографической службы.

Для всех этих выдающихся военных и моряков Босфорская экспедиция явилась значимым этапом в их службе и ярким эпизодом в биографии. Муравьев и Дюгамель оставили талантливо написанные воспоминания, которые на сегодняшний день являются ценнейшим источником для изучения экспедиции. Все принимавшие в ней участие деятели русской внешней политики обеспечили успех этому трудному и ответственному предприятию, которым явились Босфорская экспедиция в целом и те две «внутренние» экспедиции по описанию Черноморских проливов, которые по сей день не имеют аналогов в русской истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Муравьев Н.Н.* Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869.

² Воспоминания А.О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. №1-7.

³ *Афанасьев Д.* К истории Черноморского флота // Русский архив. 1902. № 3.

⁴ Российский Государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 1098.

⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1098. Л. 7 об. Предписание военного министра А.И. Чернышева А.О. Дюгамелю. 28 октября 1832 г.

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 10 с об. А.И. Чернышев Н.Н. Муравьеву. 25 октября 1832 г. Секретно.

⁸ Там же. Л.13. А.О. Дюгамель Н.Н. Муравьеву. 4 (16) декабря 1832 г.

⁹ Автобиография А.О. Дюгамеля. №4. С. 507.

¹⁰ РГВИА. Ф.846. Оп. 16. Д. 1098. Л. 18 об. А.О. Дюгамель А.И. Чернышеву. 16 (28) декабря 1832 г.

¹¹ Там же. Л.39 об. А.О. Дюгамель А.И. Чернышеву. 21 декабря 1832 г. (2 января 1833 г.).

¹² Там же. Л.41.

¹³ Там же. Л. 20 с об. Н.Н. Муравьев А.И. Чернышеву. 20 декабря 1832 г.

¹⁴ Там же. Л. 333-335 об.

¹⁵ *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 336.

¹⁶ РГВИА. Ф.846. Оп. 16. Д. 1098. Л. 128. П.Д. Киселев А.И. Нейдгарту. 20 апреля 1833 г.

¹⁷ Там же. Л. 117. А.И. Нейдгарт Н.Н. Муравьеву. Апрель 1833 г.

¹⁸ Там же. Л. 130 об.

¹⁹ Там же. Л. 135 с об. Рапорт Н.Н. Муравьева А.И. Чернышеву. 1 апреля 1833 г.; Автобиография А.О. Дюгамеля. С. 507.

²⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1098. Л.136. Инструкции Н.Н. Муравьева А.О. Дюгамелю. 30 марта 1833 г.

²¹ Там же. Л. 138.

²² *Муравьев Н.Н.* Указ соч. С. 199.

²³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1098. Л. 138 об.

²⁴ Там же. Л. 141. Н.Н. Муравьев А.О. Дюгамелю. Секретно.

²⁵ Там же. Л. 152 с об. А.О. Дюгамель Н.Н. Муравьеву. 10 апреля 1833 г.

²⁶ Там же. Л. 152.

²⁷ Там же. Л. 157 об.

²⁸ Там же. Л. 162. Рапорт А.О. Дюгамеля Н.Н. Муравьеву. 18 (30) апреля 1833 г.

²⁹ Там же. Л. 164. Рапорт А.О. Дюгамеля Н.Н. Муравьеву. 21 апреля (2 мая) 1833 г.

³⁰ *Афанасьев Д.* Указ. соч. С. 413.

³¹ *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 218.

³² Автобиография А.О. Дюгамеля. С. 497.

³³ *Афанасьев Д.* Указ. соч. С. 413. Рапорт Н.Н. Муравьева А.С. Меншикову. 10 мая 1833 г.

³⁴ *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 337.

³⁵ Там же. С. 199.

³⁶ *Афанасьев Д.* Указ. соч. С. 409. А.И. Чернышев Н.Н. Муравьеву. 31 марта 1833 г.

³⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Л. 158. Н.Н. Муравьев А.И. Чернышеву. 20 апреля 1833 г.

- ³⁸ Там же. Л. 172. А.О. Дюгамель А.И. Нейдгарту. 19 (31) мая 1833 г.
- ³⁹ Там же. Л. 157.
- ⁴⁰ Там же. Л. 180. А.Ф. Орлов А.И. Нейдгарту. 25 мая 1833 г.
- ⁴¹ Там же. Л. 174-179. Записка о состоянии египетской армии.
- ⁴² Там же. Л. 300. Рапорт Ливена. 27 ноября 1833 г.
- ⁴³ Там же. Л. 276 об. Запись в секретном журнале.
- ⁴⁴ Там же. Л. 256 об. Обзор берегов Босфора Франкского.
- ⁴⁵ Там же. Л.264.
- ⁴⁶ Там же. Л.274.
- ⁴⁷ Там же. Л.241.
- ⁴⁸ Там же. Л. 345, 352.
- ⁴⁹ Там же. Л. 313. Рапорт Е.В. Путятина и В.А. Корнилова И.С. Дмитриеву.
- ⁵⁰ Там же. Л. 210. А.И. Чернышев К.И. Бюрно. 30 июля 1833 г.
- ⁵¹ Там же. Л. 288.
- ⁵² Там же. Л. 325. Клименко А.И. Чернышеву. 10 мая 1834 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Афанасьев Д.* К истории Черноморского флота // Русский архив. 1902, №3.
2. Воспоминания А.О.Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 1-7.
3. *Муравьев Н.Н.* Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869.
4. Российский Государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 1098.

REFERENCES

1. *Afanas'ev D.* K istorii Chernomorskogo flota // Russkij arhiv. 1902. №3.
2. *Vospominaniya A.O. Dyugamel'*//Russkij arhiv. 1885.№ 1-7.
3. *Murav'ev N.N.* Russkie na Bosfore v 1833 godu. M., 1869.
4. *Rossijskij Gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (dalee – RGVIA).* F. 846. Op. 16. D. 1098.

TOPOGRAPHICAL DESCRIPTION ON THE BLACK SEA STRAITS MADE BY RUSSIAN NAVAL OFFICERS DURING THE BOSPHORUS EXPEDITION OF 1833 (to the 190th Anniversary of the Expedition)

© 2023 E. P. Kudryavtseva

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

The Bosphorus expedition of the Russian fleet in 1833 was a unique phenomenon in the history of Russian-Turkish relations throughout their existence. Never before had the Russian navy entered the Black Sea straits at the invitation of the Ottoman authorities, and its troops were not stationed on the shores of the Bosphorus. However, when describing the actions of the Russians, “internal” expeditions along the Straits that were made by the officers of the Russian fleet during its stay near Constantinople still remain ignored. The “small” expeditions of A.O. Dugamel along the Dardanelles and A.I. Menda along the Bosphorus were designed to compile a topographic description of the area adjacent to the Straits, measure their depth and currents, evaluate Turkish weapons in the fortresses - both in the Straits themselves and at the mouth of the Dardanelles. All these documents, received by topographical engineers and naval officers in the form of maps and detailed descriptions, were transferred to the General Staff and classified as the most valuable information about the state of Turkish weapons and the features of the natural landscape of one of the most important political and strategic regions, which attracted close attention of European powers.

Keywords: Russian fleet, expedition, Turkey, weapons, Straits, 1833

DOI: 10.37313/2658-4816-2023-5-2-127-137

EDN: NGLNPX

Elena Kudryavtseva, Doctor of History, Leading Researcher, Department «Russia in International Relations». E-mail: demetr22@mail.ru